

двух проявлений «общерусской» (восточнославянской) культуры⁶⁵ не связан с вопросом о государственном единстве, и отказывается рассуждать, войдёт ли Украина в состав России или будет независимой (Трубецкой 2007 б {1927}: 508—509).

Общество, описанное в «*Ура Линде*», ведёт лишь оборонительные войны, подвергается агрессии, но само не агрессивно. В «*Совете Фрейи*» запрет нападать «на народ Лиды или народ Финды» возведён в принцип и подкреплён угрозой, что Бог будет в этом случае на стороне жертв нападения (: 102). Если же фризам не хватает земли, то единственный дозволенный способ получить её у соседей — покупка (: 118). В идеальную эпоху, когда ещё стоял Альдланд (Атлантида), даже «люди Финды» не нападали на избранный народ. Лишь катастрофа и земельный голод привели к войнам, а те, в свою очередь, — к появлению королей у фризов. Заметим, что это совсем не похоже на то, что мы знаем о средневековых фризах — главных пиратах не только Северного, но и Балтийского моря.

Творчества же нет вообще. Всё, что есть, дано свыше.

Итак, ни авторы «*Ура Линды*», ни Г. Вирт не были державниками. Этого нельзя сказать об А. Г. Дугине. В начале августа 2008 г. он выступил с заявлением, в частности, о том, что величие России заключается, прежде всего, в будущих военных победах. Случайно или нет, но это заявление практически совпало по времени с началом «пятидневной войны» в Южной Осетии и с военными учениями «Наших» на Селигере: последнюю новость деловая интернет-газета «Взгляд» поместила в одной заметке с сообщением о речи Дугина (Слава российских воинов 2008). Оратор умолчал об одном: в ядерный век большая война — самоубийство человечества, а «локальная» война — часть «великой шахматной партии» крупных держав. В таких условиях военные победы возможны только двух родов: либо расправа над слабым противником, либо карательная операция. Но ни то, ни другое давно уже не приносит лавров.

Таким образом, мы снова видим, как связан на самом деле исторический Миф. Достаточно принять некоторые его предпосылки, как остальные появятся следом, хотя бы и против воли первоначального автора.

III.15. Исторический этноцентризм

Главный признак историцизма, указанный ещё К. Р. Поппером, — стремление увидеть в истории единственную движущую силу, закономерность и цель. В этой связи часто вспоминают знаменитые слова из коммунистического «*Манифеста*»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс 1985: 142). Наши же авторы убеждены, что «всякая история есть история борьбы» этнических групп. В одном из интервью Л. Н. Гумилёв рассказывал, что озарение именно этой мыслью стало толчком для построения его исторической концепции.

«Большие доли беспечно и детски растрчивающей себя северной крови поддавались пленительным соблазнам, оказались готовыми к услугам даже для носителей наполовину вымышленного древнеримского великолепия, и лишь обнажали слишком часто свой меч против всего мира, служа фантазии, и стали вместо родоначальников,

⁶⁵ Н. С. Трубецкой пользуется дореволюционной терминологией, называя «русскими» всех восточных славян, включая великороссов, украинцев и белорусов. Уже в его время такое словоупотребление не было общепринятым даже среди эмигрантов и вело к чисто терминологической путанице.

для роли которых они были рождены, всего лишь наследниками. Так вплоть до Мартина Лютера складывается борьба между германством и народным хаосом как борьба между близким к природе героизмом (*Heldentum*) и геройством (*Heldenhaftigkeit*) на службе чуждой природе фантастики, и нередко представители одной и той же крови противостоят друг другу в защиту изначально чуждых им ценностей с оружием в руке» (Rosenberg 1934: 84).

Это описание очень напоминает фразы Гумилёва о пассионариях. Впрочем, в своих диагнозах оба автора близки. Для Розенберга причина упадка Греции — влияние чуждого ей переднеазиатского духа (*Vorderasientum*), захлестнувшего страну. Гумилёв же, говоря о победах Септимия Севера, войска которого были набраны на Балканах, заключает: «Таким образом, покорённые некогда Иллирия и Фракия одерживали верх над Римом» (Гумилёв 1990: 211). Примеров на этот счёт у обоих авторов так много, что достаточно открыть чуть ли не любую страницу, где они не только излагают факты, но и стремятся их истолковать.

Равным образом этноцентризм бросается в глаза в любом месте «*Ура Линды*», не требуя специальных доказательств. Отметим лишь один момент, так как в нём особенно заметно, что эта «летопись» — на самом деле никакой не аутентичный документ, а подделка XIX века. Источником всякого зла, и прежде всего религиозного фанатизма, в ней выступают некие *Magyaren* со своим вождём *Magy*, в которых нетрудно увидеть мадьяр (венгров). Это созвучие постоянно подчёркивается всеми комментаторами — от Г. Вирта до А. В. Кондратьева, как и созвучие «мадьяры — маги». Именно они разрушают города фризов, убивают последнюю Матушку народа, гасят священную лампаду и т. д. Впрочем, об этом подробнее мы поговорим в III.18.

Однако этноцентризм — как раз не самая обязательная часть Мифа. Ведь он делит человечество на слишком большое число слишком малых групп, каждая из которых замкнута сама в себе. И если объективному историку это не мешает (ведь он не занимается мистическими «народными духами» и не считает этносы замкнутыми), то для мифотворца нет другого выхода, как отнимать у этносов их индивидуальность, перенося её на группы высшего порядка — «расы» или «суперэтносы». А этих групп всегда немного — в крайнем случае две, и никогда не больше десятка одновременно. В крайнем случае «избранный народ» (естественно, свой) может быть объявлен особым «суперэтносом», но в этом случае можно говорить уже не об этноцентризме, а о расизме.

И у О. Шпенглера, и у А. Дж. Тойнби роль этносов играют культуры, которые даже не особенно борются между собой. Они живут по собственным законам и проходят циклы саморазвития, почти не замечая друг друга.

Кн. Трубецкому идея племенного этноцентризма глубоко чужда. В этом он резко отличается, например, от «последнего евразийца» Л. Н. Гумилёва и тем более от расистов. Вообще, если Л. Н. Гумилёв далеко превосходит кн. Н. С. Трубецкого в знании исторических фактов, то столь же далеко уступает ему в глубине мысли. На фоне идей Трубецкого учение Гумилёва выглядит упрощённым, несмотря на всю словесную цветистость.

Наконец, в концепции В. Н. Дёмина борьбе этносов просто нет места. История для него, можно сказать, вообще не процесс. Все этносы сохраняют память о своём «гиперборейском» прошлом, постепенно слабеющую за давностью лет, поэтому

эпизоды борьбы в принципе случайны. Если же в его истории борьба и случается, то не этническая, а религиозная.

III.16. Этническая сегрегация

И у А. Розенберга, и у Л. Н. Гумилёва внимание сосредоточено не на человеке и не на человеке, а на промежуточном звене — этнических общностях. Мы помним, как обосновывал такой взгляд Розенберг (III.4). Отсюда вытекает, что всякие контакты между культурами опасны и, как правило, вредны. Для Розенберга они несут угрозу «расового смешения» (*Rassenmischung, Bastardierung*) и утраты «высшей расой» её ведущей роли:

«Однако эта демократия — не господство народа, а господство Передней Азии над греческими племенами, растратившими людей и силы, и прежде всего господство ставших безнаказанными отбросов человечества над изнежившимися, не поддерживаемыми расово родственным крестьянством гоплитами» (Rosenberg 1934: 52).

«Тем не менее, посреди самого страшного крушения прежняя нордическая расовая душа пробудилась к новому, более высокому сознанию. Она осознаёт, наконец, что это равноправное одновременное существование разных — но с неизбежностью исключаящих друг друга — высших ценностей невозможно, как она это когда-то великодушно полагала, к своему нынешнему несчастью. Она понимает, что можно присоединять расово и психически родственное, но что чуждое должно решительно отбрасываться, а если нужно, то и побеждаться. Не потому, что оно “фальшиво” или “плохо” само по себе, а потому, что оно чужеродно и разрушает внутреннюю структуру нашей сущности. Мы чувствуем это сегодня как долг дать себе до конца ясный самоотчёт и либо признать свою ответственность за высшую ценность и несущие идеи германского Запада, либо быть отброшенными духовно и телесно. Навсегда» (Rosenberg 1934: 118—119).

У Гумилёва тоньше: межэтнические контакты опасны уже тем, что каждый этнос переживает при этом свою собственную фазу этногенеза. В этническую систему люди подбираются по принципу дополнительности — «комплементарности» (Гумилёв почему-то везде пишет «комплиментарности»). Иными словами, в систему включается тот, для кого в ней есть место и роль, все остальные — лишние. Если же этот принцип нарушается, возникает «химера» — система, в которой два этноса (или более) живут, не смешиваясь (этому мешает «различие фаз этногенеза») и постоянно мешая друг другу. Такая система оказывается нежизнеспособной и несёт своим членам только горе. Яркий пример этого рода — Хазария (Гумилёв 1992: 92—147). Но при этом в число химер не вошли другие многонациональные государства. А их в истории куда больше, чем моноэтнических. Заметим в скобках, что в таком случае любая семья — «химера», поскольку родители всегда старше детей. А стало быть, фазы их жизненного цикла никак не могут совпадать.

Принципиальный же вердикт автора таков: «Контакты на уровне суперэтносов, как правило, ведут к аннигиляции. Исключением являются только краткие периоды пассионарных взрывов, но и тогда старые этносы исчезают, сливаясь в новый» (Гумилёв 1992: 210). Практический вывод из сказанного равносителен расовой сегрегации, что не раз было отмечено в печати.

С этой точки зрения Розенберг постоянно нападает на «универсализм» (*Universalität*), воплощением которого служит для него папская политика — против-